

встреча по вашей просьбе

Народный артист СССР Юрий СОЛОМИН

отвечает на вопросы жителей подмосковного города Красногорска и наших читателей

Юрия Соломина вряд ли надо представлять любителям театра и кино. И все же напомним: он — седущий актер Малого театра СССР, во многом определяющий его репертуар. Здесь он дебютировал и как режиссер, поставив комедию Гоголя «Ревизор». Нелишне напомнить, что он поставил в болгарском городе Толбухине — на сцене театра имени Иордана Йекова — комедию Островского «Лес», а в Праге сыграл главную роль в спектакле «Дарь Федор Иванович» А. К. Толстого, ко-

торый поставил театр «На Виноградных». Но поистине знаменитым Ю. Соломин стал много лет назад после исполнения им роли капитана Кольцова в многосерийном телевизионном фильме «Адъютант его превосходительства». Телевидение открыло его и как кинорежиссера. На Свердловской киностудии он снял фильм «Скандальное происшествие в Врикжмилле» (по пьесе Ж. Б. Пристли «Скандальное происшествие с мистером Каттлом и миссис Мун»), а в Одессе — «Берег его жи-

зи», многосерийную ленту о великом путешественнике Миклухо-Маклае. Добавим к этому, что в кино и на телевидении Юрий Соломин сыграл уже более пятидесяти ролей. Многие из них стали крупными событиями не только в личной творческой биографии актера. «Я увидел в нем неповторимую индивидуальность, человека широкой культуры, обладающего высоким профессиональным мастерством и отличающегося тонкой интеллигентностью», — так говорил о нем один из выдающихся кинорежиссеров мира

Акира Курасава, в фильме которого «Дерсу Узала» актер сыграл роль Арсеньева, знаменитого русского путешественника и писателя. Недавно Юрий Соломин выступал перед рабочими, колхозниками, студентами и интеллигенцией подмосковного города Красногорска. На встрече, которая проходила во Дворце культуры механического завода, побывал наш корреспондент Ю. СЛАВИЧ. Ниже мы публикуем ответы актера на вопросы зрителей, а также на ряд вопросов наших читателей.

мо, связано и с принятием таких понятий, как «культурная», «интеллигентная» личность?

— Интеллигентность — не в том, как ты одеваешься или поводишь себя. Интеллигентность — это внутреннее качество человека, не выходящее за пределы его интеллигентности и культуры. Из нашей жизни, к сожалению, исчезло понятие, как-то незаметно уходят такие нравственные понятия, как сердечность, доброта, внимательность, деликатность. Последние десятилетия постепенно происходила полемизация природных, общечеловеческих качеств такими понятиями, как «деловой человек», «имеющий связи» и «умеющий красиво жить». Ведь кому-то или, как можно было говорить, «спасать» билет на премьеру спектакля или на какой-нибудь «престижный» заграничный фильм — еще не значит быть интеллигентным человеком. Нужно без стеснения все называть своими именами, противостоять пошлости, проявляя гражданское мужество. В понятие «интеллигент» я вкладываю и милосердие, сочувствие, обостренное чувство долга, уважение к мнению своего коллеги или, скажем, противника. Поговорите со старшими, они вам скажут, что мы стали жить во много раз лучше, чем когда-то. Но при этом почему-то стали жестче. Я считаю, что отход от доброты тянет за собой утрату важных общечеловеческих качеств, и прежде всего человеческой культуры.

— Скажите, а вы по натуре пессимист или оптимист?

— Думаю, оптимист. Во всяком случае, я не замечаю за собой каких-то пессимистических черт. Даже когда я бываю недоволен или резко критикую, делаю это с азартом. А если азартен — значит я не пессимист. Добро должно быть активным!

— Как, по-вашему, нужен ли «положительный», «романтичный» герой? Если да, то каким вы его себе представляете?

— А что такое герой, по-вашему? Человек, который обязательно должен совершать героические поступки? Как вы скажете?

— (Из зала). Не обязательно.

Человек обязан утверждать себя как Личность

— Как вы понимаете «современность» в искусстве?

— Для меня современность заключается не только в материале, который основан на событиях наших дней. Современна ли трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта»? Конечно! Если спектакль, который вы смотрите, вас захватил, пронзил сознание и сердце — значит актеры смогли передать нечто важное и, безусловно, современное. В данном случае — гимн любви. Ведь это великое чувство движет жизнью. Но можно и опустить это святое чувство? Конечно. Для меня такие спектакли или фильмы, пусть они со сверхмодной музыкой, несомненно, они отбрасывают человека к пещерным временам и нравам...

— Чем вы можете объяснить, что кино и театр мало обращаются к воплощению русской классики? А если и обращаются, то спектакли или фильмы, то классика в них зачастую переиначивается, подгоняется под «современность». А ведь это — часть нашей истории, наша духовная, гражданская, национальная память!

— Я полностью с вами согласен. Действительно, очень редко мы обращаемся к русской классике. Особенно в кино. Впрочем, в нашем многонациональном государстве неостребованы искусством богатейшие духовные сокровища литературы. И в частности драматургии. Мы должны думать о будущих поколениях. Нельзя их лишать корней. Каждая нация опирается на свою историю и культуру, понимаясь в общечеловеческом. Откровенно говоря, я не понимаю, зачем надо классику «осовременить», да так, чтобы никто ее не мог узнать? Недавно смотрел я спектакль Камчатского драматического театра. Почему-то пьесу Н. Островского «Лезвие» назвали так — «Нужна драматическая актриса...» Мне было очень жаль тех зрителей, особенно молодых, которые не читали, не видели этой замечательной комедии Островского. На мой взгляд, театр их обокрал, наполнив со снами подделку.

Я категорически против такой переиначивки классики. Даже талантливые режиссеры. Нельзя переиначивать Толстого, Чехова, Достоевского, Шекспира, Мольера. На мой взгляд, это все равно, что взять и переделать, например, окна Исаакиевского собора в Ленинграде, как модно сейчас. Ну и что получится? Классика должна оставаться живой классикой. А «осовременивая», мы, как это ни странно, «убиваем» ее живой дух, ее вечность!

Я считаю, что настоящего Островского, Гоголя пока можно посмотреть в нашем Малом театре. Да и настоящую русскую речь — московский говор — наши актеры еще бережно хранят. Хотя, не скрою, дело это непростое. Есть люди, которые хотели бы объявить наш театр якобы несостоятельным, державшимся за свой «академизм». Академический театр действительно предъявляет особые требования: не только чтобы классический текст не исправлялся, не переписывался, но даже отдельные слова не переставлялись! Все должно быть так, как написал Гоголь, Островский, Толстой... Не могу не вспомнить слова Веры Николаевны Пашенной: «Я заплатила за билет и хочу, чтобы я все видела, слышала и понимала». Бог, собственно, Малый театр по этой системе и работает.

— Какой театр ваш самый любимый?

— Ну, конечно, Малый! Я в нем работаю. Я проповедую его школу и принципы. А представьте себе, вдруг скажу: Театр Ленинского комсомола? В нем много прекрасных актеров, с которыми я снимался в фильмах, дружу. Всегда поражаюсь таланту Евгения Павловича Леонова. Он — потрясающий русский актер. Смотришь на его работу — и диву даешься. Как у нас в Малом театре старые актеры говорили: между образом и актером и иглоушко не протиснешь! Я работал и с такими замечательными актерами, как Екатерина Васильева, Олег Янковский, Ирина Купченко, Евгений Сиомов, Андрей Миронов... И, не смотря на разные театральные школы, мы находили общий язык, приходили к общему знаменателю, то есть создавали ансамбль.

— «Совершенно верно. В кино я играл и таких людей, которых не могу не назвать героями. Хотя они из совершенно никаких героических поступков в своей жизни. Это — Владимир Арсеньев, писатель, геолог, исследователь Дальнего Востока. Или Миклухо-Маклай. От этой фамилии веет теплом, добром. Хотя не многие могут сказать, что конкретно он делал. Да, он был этнографом, географом, путешественником. Я пять лет занимался его жизнью, и для себя сделал открытие: Миклухо-Маклай был первым человеком в Европе, который стал бороться за права других народов. Разве это не герой?»

А Митрофан Ефимович Пятницкий, герой фильма «Певучая Россия»? Это был человек, который в своей жизни совершал только благородные поступки, жил для народа. Вот почему он, как и знаменитый хор его, остался в народном сердце. Таких и должны быть настоящие герои: с большим потенциалом честности, порядочности, доброты. Неплохо, если все мы тоже будем исповедовать эти духовные начала и передавать их последующим поколениям. Вот, собственно, это и является для меня героическим — «положительным» началом в характере человека. Кстати, без таких душевных качеств совершить героический поступок невозможно.

А насчет «романтического» героя... что ж, романтика в каждом человеке от природы. Мы мечтаем, фантазируем, воображаем... Поэтому и романтический герой нужен в жизни. В своей практике я часто обращался и к таким героям. Они дороги мне тем, что жили не ради себя. Это люди с большим сердцем. Парадокс, но в жизни они всегда страдают, зато остаются в народной памяти.

В общем, я за такого героя, который способен сомневаться, мечтать, искать, любить, негодовать, терпеть поражение, но не подстраиваться под чье-то мнение, не изгибать в своих поступках из «конъюнктурных» соображений. Мне импонирует герой открытой, щедрой души, беззаветно служащий истине...

— А чем вызвано, что в Малый театр достать билеты стало намного легче, чем раньше?

— Мне кажется, что на спектакли, которые идут на основной сцене, так же трудно, как и раньше. Но все-таки эту записку я возьму с собой и зачитаю ее на собрании в театре.

— Что вы больше любите — театр или кино?

— Мое мнение — артист не может не работать в театре. Это все равно что если спортсмен не будет тренироваться, он естественно, никаких рекордов не достигнет. Актеры кино, к сожалению, не имеют возможности каждый день выходить на сменную площадку, тогда как мы, артисты театра, ежедневно играем спектакли. Тут невозможно не быть в форме. Особенно, когда идет, допустим, такой спектакль, как «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, поставленный народным артистом СССР Р. Капланом с поистине вулканическим темпераментом, весь в движении...

— Какая встреча в жизни или в искусстве более всего повлияла на вас?

— Выделил две. С моей первой школьной учительницей Натальей Павловной Большаковой, которая научила меня из каракули выводить буквы, из этих букв складывались слова, из слов — предложения. И с Верой Николаевной Пашенной — первой учительницей в искусстве, которая научила в эти предложения вкладывать свой особый смысл и чувство, «оставлять кусочек сердца своего в каждой роли».

— Какие из сыгранных ролей вам особенно дороги? Над чем вы работаете?

— Для меня самой трудной ролью был Хлестаков в «Ревизоре». По своей значимости, на мой взгляд, он не только не меньше, чем Гамлет, и является комедийной вершиной в русской классике, тогда как роль царя Федора Ивановича в трагедии А. К. Толстого — вершиной драматической. Без этих двух работ в театре я как актер не мог бы состояться.

Только что на экраны вышел фильм «Загадочный наследник». Это — двухсерийная политическая лента, в которой я исполняю, хотя и небольшую по объему роль, но важную для меня. Важную потому, что картина эта касается многих острых вопросов нашей жизни. Начал репетировать в пьесе Чехова «Дядя». Собираюсь как режиссер снимать фильм «Морской волк» по Джеку Лондону. Много потратил времени, потому отказался из-за тех условий, которые не гарантировали качества фильма. Я считаю, что всякая работа должна приносить удовлетворение, а не только потерю нервных клеток. Мне часто предлагают разные сценарии. Но, честно скажу, те, что я читал в последнее время, меня не удовлетворяют.

— Вы начали разговор с проблемами о перестройке нашего общества. А в чем вам видится роль актера в этом процессе?

— Особенность работы актера в том, что ток его сердца, если мысли идут непосредственно к сердцу и разуму зрителя, охватывая его в сопереживании, возвышая в нем человеческое начало.

Перестройка только начинающаяся в нашем обществе, касается души каждого человека. Она роет с социальным равнодушием. Человек обязан, как бы трудно ему ни было, во всех ситуациях утверждать себя как Личность. Я уверен, в высоконравственной атмосфере не могут существовать не только преступления и по подлости, клевета, сведение счетов. Сама народная почва отторгает это как безнравственное. А создал такую атмосферу высокой ответственности за судьбы Родины, за судьбы социализма можем только мы сами... И сообща!

Перед нами неизбежное поле поиска

— Конечно, всех волнует вопрос: как мы понимаем проблемы перестройки? Вопрос поистине беспредельный, так как он касается всех сфер жизни нашего общества. В том числе и сферы духовной, которая мне особо близка. Но и здесь, я думаю, трудно найти однозначный ответ, ибо и перед нами, работниками искусства, остро и во многом по-новому стоят вопросы организационного, экономического и производственного характера, хотя, конечно же, все подчиняется главному — творчеству, его результатам, качеству спектаклей, фильмов, телеспектаклей.

И все-таки у процесса перестройки есть еще и личностный, нравственный аспект, что, думаю, больше всего и волнует каждого человека. Надо ли мне перестраиваться, если я и раньше, в «годы застоя», работал честно, не жалея сил, творчески? Наверное, большинство советских людей задает себе такой вопрос. Нередко доводит себя слышать, в том числе и от моих коллег: мне-то перестраиваться нечего! Как ни странно, это и свидетельствует о том, что, несмотря на все прошлые заслуги, даже на славу «неудобного» человека, ему тоже необходимо перестраиваться. Ведь именно тогда, когда человек решил для себя: пусть перестраиваются другие — он искусственно поставил себя вне движения, развития общества. Хочет то или не хочет, но он начинает тормозить общественный процесс; и то, что еще вчера было антиподом прогрессу в его повелении, сегодня оборачивается в него логом.

Это совсем не значит, что надо менять свои жизненные принципы, если они были верными, на противоположные, за них надо драться, их даже приходится нынче отстаивать, тратить нервные клетки и нравственные силы. Но при этом они, эти дорогие, священные для нас принципы, должны обогащаться новым содержанием, должны развиваться и укрепляться в меняющихся социальных условиях. Убежден, что, принимая участие в общем процессе совершенствования нашей жизни, мы должны учиться перестройке, то есть воспитывать в себе творческое, диалектическое отношение к себе, к своему делу, которому ты служишь. Понимать и помогать такому процессу для меня и значит — участвовать в перестройке, в общенародном деле.

Меня радует, что люди задают вопросы о перестройке: значит, она их волнует, значит, им хочется понять, что же нужно делать конкретно каждому из них. Это, на мой взгляд, и есть та первая ступень постижения школы революционной перестройки, которая позволяет человеку подниматься над самим собой, обрести новые силы, раскрыть в себе те творческие способности, которые так нужны обществу сегодня и которые столь долго — в силу разных причин — дремали где-то подспудно в твоей личности.

Партия твердо взяла курс, как подчеркнул в своей речи на февральском пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, на проникновенное заботой, компетентное и дальновидное отношение к тем процессам, что идут в духовной сфере нашего общества, способствуют ее очищению и обогащению росту ее нравственного и созидательного потенциала. Ориентиры перестройки, которые выдвигает партия, в том числе и в духовной сфере, — это интересы народа, интересы социализма. Перед всеми нами неизбежное поле поиска, эксперимента, результатов которых далеко не все и совсем не обязательно увеличиваются немедленным

успехом. Творчество есть творчество. Оно не только в искусстве, где шедевры, увя, создаются тоже не каждый раз, и везде связано с риском. Так вот и надо, чтобы каждый наш шаг был оправдан, продуман, не был бы риском ради риска. Только в этом случае рождаются и творческая личность, и верное направление нашего движения, и общий успех. Но это — мое понимание. И вряд ли я готов давать кому-либо совет: надо делать то или это. Знаю одно: перестройке, как и демократии, и гласности, надо учиться. И каждому — по-своему.

Шекспир был прав, сказав, что весь мир — театр, все люди — актеры. Действительно, профессия актера близка людям. Недаром психологи говорят о «ролевых» особенностях поведения человека — в зависимости от «предлагаемых обстоятельств». Вспомним, как часто, даже в течение дня, приходится меняться нам? Вот рабочий у станка — очень важно, какая у него «ролевая установка»: ремесленная (отработать, «выдать» норму, не сделать брака) или творческая? Но вот на выступает на собрании — и в нем просыпается «оратор». А дома?.. Он и хозяин, и наставник, и иногда даже «учитель».

И все-таки профессия актера во много раз сложнее: он является проводником тех идей, чувств, которые волнуют сегодня общество, идут прежде всего от зрителей, от народа. И чем сильнее контакт художника с народом, тем интереснее, глубиннее воплощается многое заветное, социально важное в образах, которые мы создаем. Актер имеет возможность обобщать те или иные личные и общественные стороны жизни, обобщать мысль, которая может взволновать или разочаровать вас. Актер творит в непосредственном общении со зрительным залом и потому нет ни одного спектакля, где бы он повторялся — ведь зрители каждый раз у него новые. Недаром перед началом спектакля нередко актер тревожится, прислушиваясь к гулу зала: какой у него сегодня партнер?

Вот почему я так люблю такие вот наши откровенные встречи-беседы. На них проверяешь себя: верно ли ты живешь, то ли отражаешь в своем искусстве, что ожидают от тебя зрители? Ведь хотим мы того или не хотим, а наши герои создают у нас, актеров, вполне определенное мнение. По ним вы составляете портрет актера: он может казаться вам и добрым и не очень, честным и лживым, мужественным и трусливым, талантливым и бездарным... А вот актер, играя даже отрицательного «героя», должен искать разные краски. Должен быть судей, адвокатом или прокурором своего образа...

Станиславский, великий реформатор театра, говорил — актерскую профессию нельзя познать до конца, потому что она живет вместе с человеком, дышит, видоизменяется. С одной стороны, эта профессия кажется легкой: ведь драматург уже создал образ, есть текст, который актер не имеет права вольно изменять. Но вот тут-то и возникает главная трудность: чтобы спектакль был современным, актеру даже шекспировский текст нужно сделать созвучным сегодняшнему дню. А завтра он наполнится вновь новыми оттенками. Так каким же должен быть актер, чтобы всегда быть современным? У него всегда нет иных инструментов, кроме его души, чувств, нервов своих. Актер должен в совершенстве управлять своим состоянием, иначе он не разбудит души зрителя. И главное — не сумеет помочь разобраться в сложностях современной жизни.

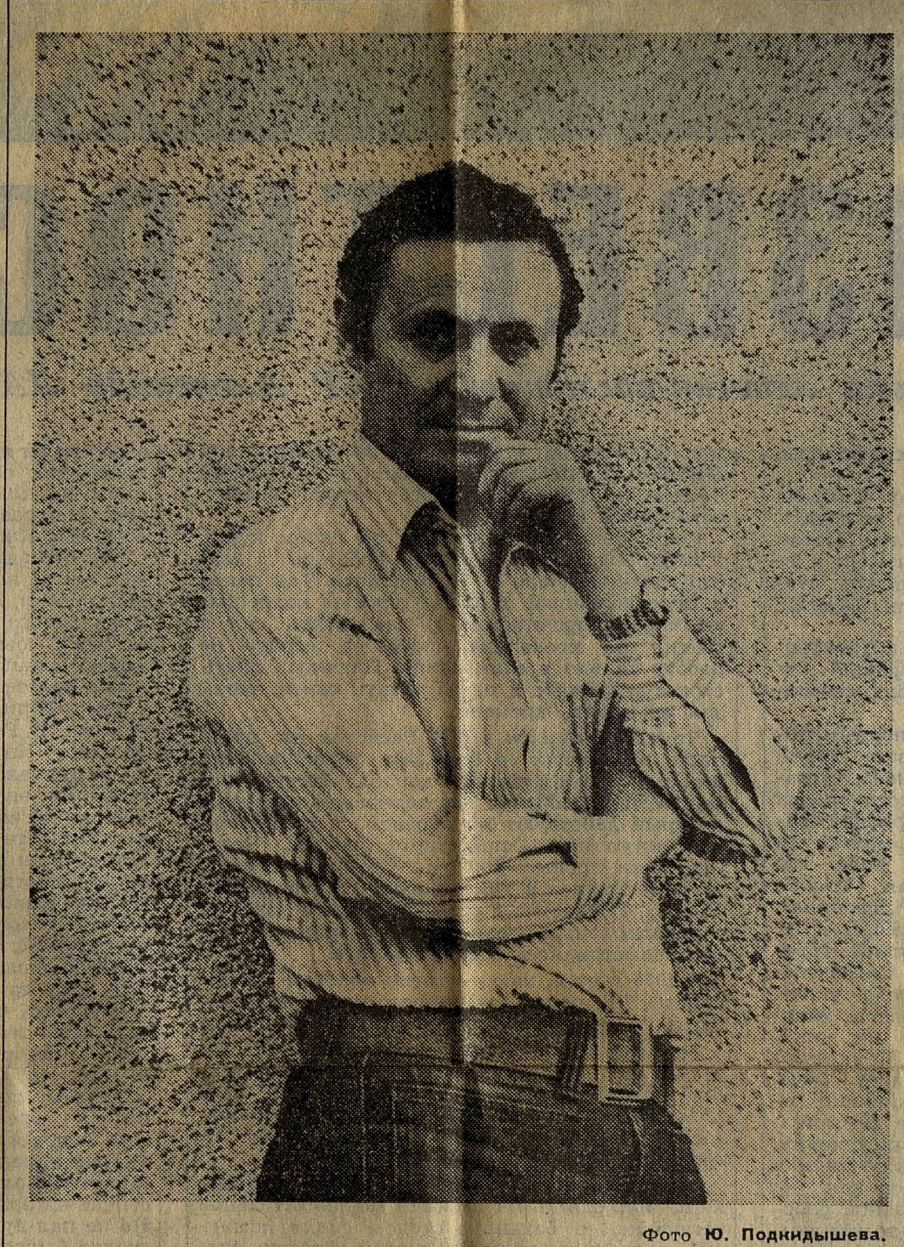

Фото Ю. Подкидышева.

Васильевичем Бондаревым по его одноименному роману, связана с искусством. В нее он вложил свою боль, раздумья, связанные не только с насущными, но и с общечеловеческими проблемами, хотя речь в ней о непростой судьбе кинорежиссера Крымова. Речь идет вообще о нелегком труде, о взаимоотношениях, которые пронизывают всю нашу жизнь, о том, что мы порой забываем о главном — любви творческий человек легко раин. И нет инструмента, которым можно было бы измерить степень его талантливости. К таланту нужно относиться осторожно и с уважением.

В спектакле «Игра», поставленном Владимиром Андреевым, я играю роль Крымова. К роману высказыва-

лись разные претензии, в том числе на дискуссию, которая транслировалась по телевидению. Скажу откровенно, со многими выступающими я не могу согласиться. Может быть, потому что мне «не со стороны» видно, как точно подметил писатель то, о чем еще совсем недавно не принято было говорить. И поэтому, готовая роль, я начал внутренне полемизировать с оппонентами романа. В образ, созданный Ю. Бондаревым, мне нужно было влить свою кровь, подковать сердце, услышать живой пульс моего героя. Сейчас я играю эту роль с большим удовлетворением, потому что в нашем Крымове много важных тонок сопереживания с моей жизнью, с творчеством моих товарищей по искусству.

Нашей жизни нужно вернуть сердечность и совесть

— Скажите, кому из наших писателей вы отдадите предпочтение?

— Сейчас на читателя низвергается такая «лавина» литературы, что трудно за всем уследить. Похороны «Плахой» Чингиза Айтматова, произведения Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Федора Абрамова... Ближе мне и Юрий Бондарев. Это действительно крупные писатели, которые философия подхватывает к корням проблем нашей жизни. Разве можно не восхищаться очерками Распутина, который сейчас «кладет жизнь», чтобы озеро Байкал было спасено и сохранено потомкам как национальное достояние? Мне это очень близко, ведь я родом из тех мест...

В прошлом году в нашем Шепкинском училище я набрал новый курс будущих актеров. Теперь вот мы готовим для экзаменов отрывки из литературных произведений. Вместе с ребятами много перечитал. Мне дорого, что мои студенты выбрали прозу Васильева, Тендрякова, Белова и других писателей, которые остро реагируют на современные проблемы, ставят важные вопросы, а не просто что-то проповедают. Я ценю то, что помогает делать дело, не позволяет идти на компромиссы, вооружает, а не разоружает человека!

— Вы затронули проблему воспитания будущего актера. Действительно, со стороны многих кажется, что это профессия легкая. А вот что может стать актером? Почему, работая со студентами училища имени Щепкина, вы обращаетесь к пьесе «Рембрандт»? Чтобы подчеркнуть, как труден и тернист путь в искусстве для настоящего художника?

— Начну со статистики. Не знаю, почему, но только в Москве ежегодно желают стать артистами более пяти тысяч молодых людей. А мы принимаем в каждый театральный вуз всего 20—25 человек. Нужно пройти три тура. Если абитуриент их выдер-

Добро должно быть мужественным

— Юрий Мефодьевич, скажите, пожалуйста, что вы думаете о международных контактах нашего театра?

— Так сложилось, что если в стране есть замечательное театральное искусство, то это всегда показатель высокого уровня культуры данного народа. Вспомним, какой успех имели гастроли МХАТа в 20-х годах в США: Америка открыла не только Станиславского и его учение, но и то, каким психическим богатством располагает российский актер. И сегодня ширится творческий обмен коллективами — служит не только укреплению международного сотрудничества, но и содействует общественному прогрессу. Мы всегда рады каждой новой возможности встретиться с нашими зарубежными коллегами, познакомиться с их творчеством, обменяться опытом, мнениями. Мы за такие прямые контакты.

Вспомним хотя бы недавнюю прямую телевизионную трансляцию оперы Рихарда Штрауса «Ариадна на

Накосе» из Нью-Йоркского театра «Метрополитен-опера». Кстати, нам тоже есть что показать миру. Наше многонациональное искусство театра необыкновенно разнообразно и интересно. Впрочем, нам и самим бы не мешало знать его поближе. Нынче к нашему искусству проявляется огромный международный интерес. И не только потому, что около 30 советских театров находятся «в эксперименте». Ведь мы, работники искусства, всегда находимся в эксперименте, потому что призваны облагораживать человека и помогать его формированию, рождению новой личности. И тут очень важно, какой герой выходит на нашу сцену. Для нас он прежде всего тот, который поведет добро, справедливость, уважение к человеку. Это действительно героический характер. Ведь добро должно быть мужественным!

Взять хотя бы спектакль нашего театра «Игра». Уже само название говорит, что пьеса, написанная Юрием